

Колыбель нашего флота (К 300-летию дома Романовых)

В исторический район юбилейных романовских торжеств, несомненно, входит и древний Переславль-Залесский, в котором Великий Пётр положил начало многострадальному русскому флоту.

Прошлым летом мне довелось побывать в историческом городе и главное внимание я, конечно, обратил на пригородное село Вельково, в котором жил и работал преобразователь.

С умственным переславским извозчиком Алексеем ехал я в это село вдоль берега ясного Плещеева озера. Дорогой мы всё время разговаривали и даже спорили, ибо возница мой оказался не только патриотом своего города, но и знатоком его истории.

— Читать много приходилось, — скромно пояснил он, когда я удивился многосторонности его сведений.

Проезжая, между прочим, городской окраиной по соседству с Рыбацкой слободой, извозчик указал мне на скромную приходскую церковь и пояснил, что это храм Знамения. А назван де он так потому, что на этом месте стояли знамёна и лагеря потешных полков, приходивших в Переславль с Петром.

— Предание это крепко в народе держится, — добавил он авторитетно.

На берегу реки Трубежа привлёк моё внимание массивный каменный пакгауз, носящий явные черты петровской эпохи, и по этому поводу у нас с Алексеем возник даже спор.

На мой вопрос, не петровское ли это сооружение, он презрительно на него покосился и кротко отрезал:

— Фабричный амбар!

— Да ведь стройка-то древняя, похожа на петровскую, — пытался настаивать я. Он был неумолим.

— Если бы Пётр Великий это здание построил, то не было бы оно фабричным складом, а принадлежало бы казне.

Пришлось умолкнуть, хотя уверенность в петровском происхождении пакгауза во мне не поколебалась.

Дорога тянулась по плоской низине, лежащей между краем озера и крутым косогором и в былые времена, тоже, очевидно, находившейся под водой.

У низкого берега на ярком солнце виднелось много купающихся фигур; вода едва доходила им до колен. А какой-то оригинал спокойно катался по озеру в телеге, саженьях в тридцати от берега. [64 м]

Село Вельково, а позади его и молодой, но тенистый парк, окружающий то место, где жил Пётр, красиво расположены на крутом зелёном бугре и господствуют над десятивёрстной ширью озера. Здесь в 1692 году, орошённый трудовым потом величайшего из монархов, родился тот самый русский флот, которому было суждено пережить на глазах наших дедов Севастополь, а на наших глазах Артур и Цусиму...

Как же создавалась эта первая наша эскадра?

В апреле 1691 года юный Пётр совершил первое своё плавание по Москве-реке на собственноручно построенной им, под руководством Карстен-Брандта, яхте и с торжественной пушечной пальбой прибыл в село Коломенское. Жилка моряка забилась в юноше, и он понял,

что на маловодной Москве-реке его плавания навек останутся праздной забавой, что для образования настоящей эскадры нужна более обширная водная площадь.

Задумано — сделано. Не теряя времени, Пётр отправляется на богомолье, то есть в единственное путешествие, узаконенное этикетом для царей того времени, — едет к Троице-Сергию и оттуда, по стопам Грозного, в древний Переславль, на берега многоводного Плещеева озера.

Водная скатерть в восемнадцать квадратных вёрст сразу околдовала государя, и он немедленно велит себе строить маленький дворец над самым озером в селе Веськове, а голландцу Арриену Матье поручает заложить тут же корабельную верфь.

Сам царь великия, малыя и белыя Руссии превращается в Петра-плотника и вплоть до 8 февраля следующего 1692 года своими руками строит собственный фрегат. Голландцы в то же время сооружают ещё один фрегат и три яхты.

Между тем вдовствующая государыня Наталья Кирилловна, не постигая чужого московскому складу влечения сына, страшно о нём беспокоится, и только из уважения к ней царь наезжает в Белокаменную. Но там ему не сидится и он два раза в течение весны, вероятно, в самую распутицу, 3 марта и 5 апреля навещает излюбленную верфь и хвалится работами перед генералом Гордоном.

Наконец 1-го мая настал желанный день, эскадра из пяти судов была готова и спущена на озеро при торжественных салютах с лодок и берега. Начались ученья и манёвры.

Пётр с таким пылом отдался новому делу, что сумел заразить им даже старозаветную царицу-мать, которая вместе с молодой государыней Евдокией и царевной Натальей покидает насиженные московские терема и к 1-му августа приезжает в Переславль.

В это знаменательное число был устроен крестный ход на озеро. С раннего утра потешные полки под начальством Гордона выстроились на берегу, а новорождённая эскадра красовалась на озере под командой нового адмирала — Лефорта.

Нельзя не отметить курьёзной случайности, что первым адмиралом русского флота был швейцарец!

Царь Пётр находился на своём фрегате и во время молебствия, при погружении креста, собственноручно палил из орудий.

Пирь на берегах Переславского озера продолжались целый месяц до самого отъезда государя в Москву. Не участвовал в них только первый руководитель русского судостроения, Карстен-Брандта, — он скончался в июне, не дождавшись плода своих трудов, и могила его осталась неизвестной.

Поднявшись на бугор, мы подъезжаем к Веськовскому парку. При въезде возвышается каменная триумфальная арка, воздвигнутая владимирским дворянством в типе построек николаевского времени. Среди старых берёз она производит внушительное впечатление.

На том месте, где некогда стоял дворец Петра, теперь находится очень ветхий и мало интересный дом, купленный владимирским дворянством в 50-х годах прошлого века у помещика Емельянова. Рядом с домом имеется просторный павильон, в котором по праздникам пьёт чай гуляющая переславская публика.

Вид отсюда на голубое озеро действительно превосходен и мог, несомненно, будить в воображении царственного юноши мечты о настоящем морском приволье.

От разрушенного петровского дворца сохранилось очень немного: деревянный двухглавый орёл, обитый жемчугом, украшавший фасад, несколько оконных рам с расписной слюдой вместо стёкол, два массивные, выше человеческого роста, канделябры, — вот и всё.

Зато стоящий поотдале скромный по виду музей, устроенный «Великому Петру усердным Переславлем», представляет выдающийся интерес хранящимися в нём доказательствами кипучей деятельности и жизни великого царя.

У входа, рядом со скучным памятником-обелиском, стоят на особых деревянных подставках пушки и чёрные якоря, бывшие на судах флотилии.

Не знаю, вызывалось ли это действительно необходимостью, но каждый из якорей имеет два человеческих роста в высоту и делает впечатление атрибутов какого-то мифического племени исполинов и символизирует гигантскую фигуру Петра.

Такое же впечатление производят в самом музее и вещи, ему служившие.

Фуганок, которым государь работал на верфи, представляет из себя деревянный брус длиной с доброго телёнка, с ручкой в человеческий локоть и соответственной тяжестью.

Каковы были мышцы, орудовавшие подобным инструментом!

Под стать фуганку и якорям также и царская зрительная труба, напоминающая добрый отрубок строительной балки.

Доказательством того, до какой степени всеобъемлющ был гений великого властителя народа-лапотника, служат хранящиеся в музее колодка и кочедык, при помощи которых будущий всероссийский император учился плести лапти. А рядом на полках стоят объёмистые штофы зелёного стекла — несомненные участники его гомерических пиров.

Главную ценностью Веськовского музея можно назвать ботик с чёткою надписью: «Fortuna», единственное уцелевшее из всей озёрной флотилии судно. Удивляешься прочности его постройки и доброкачественности материалов. Чувствуется, что строился кораблик на глазах у неусыпного хозяина, при непосредственном участии его твёрдой руки.

Паруса, блоки и верёвки, сваленные тут же, производят впечатление совершенно свежих и только случайно кое-где порванных.

В 1722 году, тридцать лет спустя после постройки эскадры, Пётр, уже император, снова посетил Переславль и, вероятно, застал остатки своей флотилии в изрядном небрежении, потому что издал следующий собственноручный указ местным воеводам.

«Надлежит вам беречь остатки корабля, яхт и галеры; а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ. Пётр. В Переславле, 7-го февраля 1722 года».

Воеводы не могли не знать, что государь шутить не любит и что легкомысленно относиться к казённому добру по тем временам было совсем не повадно.

Тело сибирского лихоимца губернатора Гагарина, сгнившее на виселице, было свежо в их памяти.

Потому суда, конечно, должны были оберегаться с полным тщанием и так или иначе дожить до наших времён.

Однако сохранилась одна только «Фортуна». Куда же делись остальные?

Не мог же такой экономный хозяин, как Пётр, не использовать готового боевого материала, который был ему так нужен.

Есть сведения, что один из переславских кораблей, построенный мастером Классом, переведён был из Плещеева озера через вытекающую из него реку Вёксу, озеро Сомино и реку Нерль в Волгу. О судьбе остальной эскадры ничего не известно.

В наши дни главной прелестью Веськово, Переславля и всех окрестных высот остаётся хрустально чистое Плещеево озеро с его широко раскинувшейся синевой и двадцати-саженной глубиной.

Стоя на Веськовском зелёном бугре, где стоял дворец Петра, и следя за одиноким белым парусом, скользившим по голубой воде, я невольно проникся духом западничества, вдохновившим некогда венчанного сверхчеловека.

Глазам моим почудилось, какой вид имело бы это дивное озеро, если бы находилось в четырёх часах езды не от старушки Москвы, как в действительности, а от Берлина, Парижа, Брюсселя или любого из настоящих европейских центров.

Какие виллы белели бы по высоким зелёным берегам! Какие красавицы-яхты бороздили бы тихую гладь! С каким комфортом можно было бы отдохнуть здесь от городских передряг!

От станции Берендеево вас возили бы быстрые автомобили, а не полумёртвые клячи, как теперь!..

Мечты, когда вы осуществитесь?!

Полный радужных грёз сел я в дребезжащую пролётку умственного Алексея и скоро окупился в сгущённую атмосферу российского уездного города.

Сергей Мамонтов